

Евгений Войскунский, Исай Лукодьянов

Трое в горах

Евгений Войскунский

Трое в горах

«Public Domain»

Войскунский Е. Л.

Трое в горах / Е. Л. Войскунский — «Public Domain»,

Содержание

Евгений Войскунский, Исай Лукодянов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Войскунский, Исай Лукодянов

Трое в горах

Смотреть на часы не имело смысла: все равно надо сидеть, пока не кончится ураган. Все же Игорь посмотрел на часы – хотелось что-нибудь сделать, чтобы не взвыть от тоски. Для этого пришлось приподнять капюшон. Сразу черный ледяной ветер резанул лицо.

Он соображал медленно – очевидно, результат оцепенения. Светящиеся стрелки, большая и малая, сошлись слева – он не сразу понял, почему видит только одну. Значит, без четверти девять. Сколько же он, Игорь, сидит здесь, сунув руки в рукава штормовки, наглухо закрыв лицо капюшоном и свесив ноги над пропастью? Только четыре часа?

Четыре безумно долгих часа он сидит на узком каменном карнизе, и его жизнь поддерживается, страхуется восьмимиллиметровым репшнуром, который привязан к скальному крюку, вбитому в расщелину. Хорошо ли держится? Об этом лучше не думать.

Ветер плотной воющей массой налегал на правый бок. В горах разносились шорохи, треск и свист.

Конечно, если рассудить, Игорь очень плотно сидел на карнизе. Большой, «абалаковский» рюкзак упирался в скалу за спиной. Вот только ноги мотает на ветру. И холодно. Хорошо хоть, что сейчас не зима. Хорошо, что он послушался Кирилла, надел две пары толстых шерстяных носков, наизнанку, по альпинистским правилам. Так что, вообще говоря, крюк и репшнур – только страховка, на всякий случай...

Слово «страховка» напомнило зелено-узорчатую бумагу. На обороте – правила выплаты в случае увечья или смерти при несчастном случае. Вспомнилась светловолосая девушка – агент по страхованию жизни; она приходила в комитет, кажется, в марте или в апреле, и он, Игорь, любезничал с ней малость, прежде чем выложил рубль... Рубль – и жизнь! Смешно. Несопоставимо...

Девять часов. В Москве в это время можно пойти в кино, в кафе, мало ли куда. Неужели вот сейчас где-то там за воющей темнотой, далеко на севере, существует Москва? Москва с ее уличным шумом, с кольцом бульваров, со светящимися призывами есть мороженое и покупать билеты денежно-вещевой лотереи.

Существуют ли на свете автоматы с газированной водой, троллейбусы, кафе «Юность» и стадион в Лужниках?

А просторные коридоры Госкомитета, привычная шестьсот седьмая комната – снизу панели «под дуб», вверху – нежно-зеленый, тисненый узорами пластик? А стол Игоря? А специальный телефонный справочник, которым Игорь так гордился, потому что не всем выдают такие?

Как все это хорошо, привычно, благоустроено, хотя Катя над этим посмеивается и хочет уйти на завод, и уйдет... если только они выберутся отсюда живыми, если когда-нибудь кончится эта кошмарная ночь в горах.

Он повернул голову вправо, приподнял капюшон, крикнул:

– О-го-го-о!

И сейчас же отозвался высокий Катин голос:

– Ау-у-у!

И вслед за ней гаркнул Кирилл.

Надо же: Катя сидит на карнизе в каких-нибудь нескольких метрах от него, Игоря, а он ее не видит. Ну и темнотища.

Бедняжка, как ей страшно, должно быть, сейчас. Это он виноват, потащил ее в горы. Навьючил на ее хрупкие плечи здоровенный рюкзак. Сунул ледоруб в наманикюренные паль-

чики... Собственно, не он, а Кирилл затеял этот чертов поход. Но ей-то, Катюше, от этого не легче.

Осенью они, Игорь и Катя, поженятся, дело решенное. Достроится комитетский дом, в котором ему обещана квартира, – и полный порядок. Нет, все у него, Игоря, складывается хорошо. Ребята из их выпуска на периферийных заводах чертят за сто двадцать в месяц, а он – уже главный специалист Госкомитета. Правда, Катя посмеивается, говорит, что фактически он – нечто вроде письмоводителя при Иване Демьяновиче. А, чепуха. Просто она немного несерьезная. Как Кирилл. Тот тоже вечно посмеивается. Вечно в разъездах – то на севере, то где-то в пустыне, в Хорезме. Хоть он и кандидат наук, а специальность у него... Археология! Архаизм какой-то в эпоху высшей автоматике.

Пусть они посмеиваются. Он, Игорь, потихоньку подбирает уже материалы для диссертации. Будет настоящая работа, на современном уровне знаний.

Скорее бы кончился ураган. Скорее бы выбраться к перевалу, спуститься к Сухуми, бултыхнуться в теплое море – ух!

Кате действительно было страшно. Не столько пугали ночь и ветер, сколько шорохи и трески. Будто гора вот-вот расколется под ударами бури...

Она старалась думать о привычном, перебирала в памяти свою коротенькую жизнь, которая казалась ей то смешной, то трагичной.

Веселая и беззаботная школьная пора. Первое горе – провалилась на экзаменах в институт. Под давлением родителей поступила на курсы машинописи и сделалась секретаршей в управлении координации. Вскоре быстрая и сообразительная девушка в совершенстве изучила сложное переплетение коридоров огромного здания. Она легко запоминала фамилии и номера телефонов. Знала, кто визирует бумаги «раньше Иванова», а кто «позже Иванова». Никогда ничего не путала и не забывала. Поступила в вечерний институт – и шесть лет учения прошли незаметно...

А когда она предстала перед комиссией по распределению, Иван Демьянович, который был и ее начальником в комитете и председателем комиссии, сразу сказал: «Ну, Катюша, с вами ясно: никуда из нашего управления вы не уйдете».

Катя протестовала. Ведь с сегодняшнего дня она – инженер по автоматике и телемеханике. Она хочет на производство. Она согласна ехать куда угодно...

Ее не дослушали, и она пересела за другой стол и стала получать другую зарплату. Она уже не разносила бумаги, а сама их писала. Это называлось – «исполнение». Она «исполняла» все, что ей говорил Иван Демьянович. А так как она идеально знала не только фамилии, но и инициалы, – а без инициалов нельзя писать письма – и знала всю научно-техническую Москву, то она стала незаменимым «исполнителем».

Разумеется, Катя понимала, что кто-то должен собирать визы на проектах постановлений и готовить сводки, но она понимала и то, что место молодого специалиста не здесь, как бы ни была важна ее канцелярская деятельность. Но такая уж судьба: ее секретарская практика оказалась важнее инженерного диплома.

Игорь, который тоже попал в комитет со студенческой скамьи, не был с ней согласен. Он считал, что теперь, когда грань между умственным и физическим трудом стирается, вопросы управления играют высшую роль, и молодым специалистам надо учиться координировать и регулировать. А она, Катя, говорила, что лет через двадцать все пойдут на производство с укороченным рабочим днем, а координировать будет вместо комитета хороший электронный мозг.

Он славный, Игорь. Немножко напускает на себя солидность, но это не такая уж беда. Даже приятно, что он умеет держаться с достоинством. К ней, Кате, он просто чудесно отно-

сится. Ей многие женщины в комитете завидуют – она точно знает. Ну еще бы: такой умный, видный... Перспективный, как говорят.

Странно: два брата, Игорь и Кирилл, а ведь совсем не похожи. Правда, братья они по отцу, матери у них разные. Игорь высокий, черноволосый, а Кирилл коренастый и косолапый, на голове у него копна волос дивного оранжевого цвета, а брови желтые-желтые, выгоревшие. Что-то есть в этом Кирилле от хитрого деревенского знахаря. Этаким простачком держится, а вставит словечко – держись! Он неуживчивый – Игорь ей рассказывал.

Катя улыбнулась, вспомнив выходку Кирилла. Они прилетели из Москвы в Минеральные Воды и решили два дня пожить в Кисловодске. Утром второго дня Катя и Игорь ожидали Кирилла в парке, возле Нарзанной галереи. Кирилл появился в длинной клетчатой рубаше, выпущенной поверх шорт, – казалось, будто он без штанов. Все смотрели на него. «С ума сошел?» – зашипел Игорь. Катя тоже была несколько шокирована. С трудом удалось им убедить Кирилла заправить рубашу в шорты.

Он очень томился в Кисловодске, Кирилл. Бродил, сонный, по красным дорожкам терренкуров, бормотал себе под нос: «Все шлют Онегина к врачам, те хором шлют его к водам.» Повеселел только, когда они отправили городскую одежду до востребования в Сухуми и сели в автобус, идущий в Теберду. Дивная, дивная Теберда! Никогда Катя не забудет, как легко там дышалось, как легко ходилось – будто крылья за плечами выросли. Оттуда они и вышли в поход через горы к Черному морю...

Сквозь вой ветра – грохот скатывающегося камня. Катя съежилась. Страшно...

Слева доносится:

– Ого-го-о!

Это Игорь. Беспокоится, должно быть, о ней ужасно...

– Ау-у-у! – кричит она. Замерзшие губы еле шевелятся.

– Эге-ге-ей! – рычит Кирилл откуда-то справа.

Кирилл напряженно вслушивался в ночь. Он был не новичок в горах и отдавал себе полный отчет в опасности положения. Очень сильный ветер. Ураганный. Конечно, веревка страхует достаточно. Но вот камнепад... Все чаще срываются сверху камни. А над головой никакого укрытия...

Черт дернул его, Кирилла, свернуть с обычной туристской тропы. Пошли не той долиной, не там поднялись – и попали сюда, на стык трех хребтов. Спрямили дорогу – зато теперь сидят на незащищенном карнизе и лязгают зубами.

Опять сорвался камень...

Где-то в стороне...

Полжизни отдал бы Кирилл, только бы утих ураган. Только бы вывести Игоря и его девушку в безопасное место.

Почему-то ему все время кажется, что под ним, в нескольких метрах, широкий выступ скалы. Эх, не разглядел при свете, а теперь, в окаянной черноте, и подавно не увидишь. И все же он невольно наклоняется, смотрит вниз, таращит глаза...

Яростный порыв ветра. Кирилл не успел податься назад, его сорвало с карниза, и он повис на веревке. Но под ногами была опора. Да, он не ошибся: это выступ скалы. Переведя дух, он осторожно попятился от края выступа – и почувствовал за спиной пустоту.

Стоя в неудобной позе, на носках – туго натянутая веревка не давала встать на всю ступню, – он вытащил фонарик-динамку. О-о, пещера! Вот это повезло! Можно укрыться от камнепада...

Кирилл вскарабкался на карниз, добрался до Кати, потом – до Игоря. Отпустив подлиннее веревку, слез, принял у них рюкзаки, потом помог им спуститься.

Один за другим они пролезли в узкое отверстие. Луч фонарика скользнул по серому мрачному своду. Пещера оказалась довольно глубокой, она расширялась вверх и в стороны. Ветер почти не задувал. Кирилл распаковал рюкзак, зажег свечу – ее пламя чуть колебалось, но не гасло.

У Игоря что-то звякнуло под ногой. Он нагнулся, поднял пустую консервную банку. Прочел вслух:

- Курица в собственном соку, Невинномысский птицекомбинат.
- Ну-ка, – Кирилл забрал у него банку. – Верно. Значит, не мы первые идем этой дорогой.
- Хочу курицу, – жалобно протянула Катя. – Курицу в собственном соку.
- Три банки мясных консервов заменят нам курицу, – сказал Кирилл. – Давайте, братцы,

ужинать.

Они собрали маленький походный примус. Воды в пластмассовых фляжках было еще достаточно. Разогрели консервы, по-альпинистски густо, как суп, заварили чай.

– Жизнь прекрасна, – резюмировал Кирилл, затачиваясь после ужина сигаретой. – Ну, пещерные жители, залезайте в спальные мешки. К утру буря утихнет и тронемся в путь.

Они проснулись все сразу, ощутив слабое сотрясение каменного массива. В хвостовом вагоне скорого поезда пассажиры спокойно спят, хотя их непрерывно трясет. Но подземный толчок, сигнал грозного бедствия, пробуждает всегда.

Они еще не поняли, что произошло, но их сразу охватила тревога – непонятный, подсознательный страх.

Вероятно, наши далекие предки, жившие в ту пору, когда Земля была моложе, чаще испытывали ужас землетрясения и передали нам в структуре молекул ДНК память о них – страх беспомощности...

Кирилл торопливо зажег свечу, посмотрел на встревоженные лица. Теперь, уже бодрствуя, они ощутили второй толчок и слышали глухие подземные раскаты, продолжавшиеся, как им показалось, нескончаемо долго, а на самом деле – не более минуты.

Игорь выскочил из спального мешка, метнулся к выходу.

– Назад! – крикнул Кирилл.

– Надо уходить. Завалит! – На Игоре лица не было.

– Здесь безопаснее, – сказал Кирилл. – Снаружи не пройдешь. Сейчас такие камни посыплются...

Нарастающий грохот покрыл его слова.

– Дальше от входа! – заорал Кирилл.

Он схватил за углы спальный мешок вместе с неуспевшей вылезть Катей и поволок его в глубь пещеры. Игорь последовал за ним.

Грохот нарастал, перекачивался. Каменный массив вздрагивал от ударов. Со свода пещеры сыпались камешки, что-то шуршало и потрескивало, и все невольно пригибали головы. Метался желтый язычок свечи.

И вдруг... Будто сама гора вздохнула с чудовищной силой. Колыхнулся воздух, заложило уши, сотрясся под ногами камень. Свеча погасла.

Наступила тишина.

– Кончилось, – вырвалось у Кати. – Боже мой, что это было, Кирилл?

– Обвал. – Кирилл прокашлялся. – На Кавказе бывают такие штуки.

Он прислушивался к тому, что делалось снаружи, но теперь доносились лишь шуршание и слабые трески. Кирилл взглянул на светящиеся стрелки часов: половина четвертого.

– Скоро рассвет, – сказал он. – Тогда и посмотрим, что произошло. А сейчас – досыпать.

– Хорошо, что мы нашли эту пещеру, – сказала Катя.

– Да уж... На карнизе от нас и мокрого места бы не осталось.

Игорь проснулся. Немного полежал, не открывая глаз. С удовольствием ощутил, как за ночь отдохнуло тело. Вчерашний день – трудный переход по хребту, крутой траверс, длинный путь по узкому карнизу, внезапно налетевшая буря, ледяная чернота, ветер, долгое сидение на привязи, потом

– страх землетрясения, шум горного обвала – все это вспомнилось, как что-то нереальное. А сейчас – полная тишина. После бури должна быть хорошая погода...

Он потянулся и открыл глаза.

Что еще за новости! В пещере темным-темно. Почему не просачивается дневной свет? Неужели еще ночь?

Игорь посмотрел на часы. Четверть десятого!

Катя мирно спала рядом в своем мешке. Кирилла не было.

Игорь зажег спичку и пошел к выходу. Ему пришлось согнуться вдвое: отверстие суживалось. Он увидел Кирилла, стоявшего на коленях.

– Что случилось? – шепотом спросил Игорь.

Кирилл вместо ответа пожужжал динамкой. Желтый луч фонарика прошелся по угловатым каменным глыбам, загромождившим выход из пещеры.

– Завалило?.. – У Игоря сорвался голос.

– Как видишь. – Кирилл погасил фонарик. – Ты ничего не замечаешь?

Слабенький свет процеживался через щели между камнями в черноту пещеры.

– Что я должен заметить? – хмуро спросил Игорь.

– Свет идет снизу, а не сверху. Понимаешь? Обвал завис. Камни заклинило в ущелье, оно ведь здесь очень узкое... Подожди-ка минутку.

Кирилл ушел в глубь пещеры и вскоре вернулся с мотком капроновой веревки.

– Держи конец, будешь меня страховать.

– Ты что хочешь?

– Полезу, посмотрю. – Кирилл сбросил куртку, обвязался веревкой и пополз в промежутке между глыбами.

Извиваясь, он перебирался из одной щели в другую. Становилось светлее. Кирилл упрямо пытался проникнуть вниз. Когда каменный лабиринт кончался непроходимо узкой щелью, он отступал вверх или в сторону и снова настойчиво искал дорогу. Игорь то отпускал веревку, то выбирал слабинку: веревка служила Кириллу нитью Ариадны, чтобы выбраться обратно из каменного хаоса.

– Ну как? – кричал время от времени Игорь.

– Пока никак, – глухо доносился ответ.

Кирилл изрядно порвал одежду, цепляясь за острые углы. Понемногу он удалился от борта ущелья. Рассеянный свет становился яснее, определеннее. Иногда где-то наверху раздавалось потрескивание – колоссальная тяжесть оползня сдавливала камни, – и Кирилл с замиранием сердца останавливался, прислушивался. Раз или два ему показалось, что снизу доносится мерный рокот.

Наконец, когда он обогнул очередную глыбу, в глаза ударил яркий свет: лицо оказалось над небольшим отверстием. Внизу, на головокружительной глубине, по ущелью бежала узкая бурная речка. Клокочущий желтый поток с шумом обтекал камни, которые, наверное, обрушились этой ночью. О глубине нельзя было судить – никакого ориентира для сравнения.

Кирилл обполз еще несколько камней нижнего ряда висячего завала, отыскивая щель достаточно широкую, чтобы можно было пролезть. Безуспешно. Он вернулся к тому отверстию, сквозь которое была видна речка. Немного отдохнул, расслабив натруженные мускулы. Потом отвязал от пояса веревку и прикрепил ее к острому углу каменной глыбы. Пополз вверх, нащупывая веревку и следуя ее изгибам.

– Наконец-то! – встретил его Игорь. – Ну что?

– Это не обвал, а оползень, – сказал Кирилл. – Видимо, весь бок горы сполз, и все держится на крупных обломках – их заклинило в ущелье, ниже нас.

– Так что же делать?

– Попробуем добыть воду, у нас ее совсем мало. Надо собрать все веревки.

Катя лежала в пещере на спальном мешке. Когда Кирилл зажег свечу, она приподнялась на локте, тихо спросила.

– Пропали, Кирилл?

– Да что вы! Сейчас пойду за водой. Потом чаю попьем, – с наигранной веселостью сказал он.

Он взял все фляжки, термос и белое полиэтиленовое ведро. Собрал веревки.

– Как я все это протащу через щели? Игорь, тебе придется поползти со мной.

Игорь нерешительно шагнул к щели.

– А если это хозяйство завалится? Сверху все время потрескивает...

– Без воды пропадем, – негромко сказал Кирилл. – Надо идти.

– Я пойду с вами, Кирилл, – неожиданно сказала Катя.

– Ну уж нет. Придумала тоже. – Игорь забрал у Кирилла ведро и термос.

– Пошли.

Кирилл порылся в рюкзаке и извлек красный пастельный карандаш. Затем он углубился в щель, делая карандашом жирные стрелки на камнях.

– Зачем это? – спросил Игорь, пробираясь за ним. – Ведь веревка указывает дорогу.

– Может, и ее придется пустить в ход.

Добрались до отверстия. Кирилл привязал веревку к дужке ведра и спустил его вниз. Пришлось пустить в ход все веревки, включая и ту, что служила путеводной нитью.

Тщетно пытался Кирилл зачерпнуть. Ведро прыгало по воде и никак не хотело лечь набок. Он поднял его. Огляделся.

– Нужен камень. Для тяжести. Давай-ка поищи.

– Может, вернемся, Кирилл?.. Слышишь, как трещит?

– Делай, что тебе говорят. Наверх и вправо – там щель, забитая щебнем. Ну, живо!

Игорь молча уполз. Он долго не возвращался, и Кирилл, беспокоясь, не заблудился ли он, окликнул его. Не получив ответа, крикнул громче – голос его жутко усиленным эхом прокатился по каменному лабиринту. Он заорал что было мочи – и тут увидел подползавшего Игоря.

– Почему ты не отвечаешь?

Игорь, тяжело дыша, протянул на ладони камень.

– В приличном обществе принято отвечать на вопросы, – отдельно сказал Кирилл.

Он положил камень в ведро. Теперь дело пошло. Семь раз пришлось опускать и поднимать ведро, чтобы наполнить всю посуду. Кроме того, они сами напились до отказа, – чтобы экономнее использовать емкости, как выразился Кирилл. От холодной, пахнувшей снегом воды заломило зубы.

И еще раз в тот день отправился Кирилл в опасный путь внутри завала. Он привязал к камню записку и спустил ее на веревке на дно ущелья. Камень покачивался над прыгающим потоком. Бывают же здесь люди, думал Кирилл. За горой есть какой-то поселок. Люди недалеко. Не может же быть, чтобы здесь не проходили люди...

Он смотрел в каменное окошко, пока там, внизу, не начало темнеть. Ущелье наливалось синевой.

Висячий завал потрескивал – казалось, стонали камни, задыхаясь под страшной тяжестью.

– Который час? – спросила Катя.

– Без десяти девять. Вечера, – ответил из темноты голос Кирилла.

– Второй день кончается. – Катя тихонько вздохнула. – А кажется – второе столетие...

Она сидела, обхватив руками колени. Сидела и думала, что ужасно хочется умыться. Рассердилась на себя: надо же, какая чепуха лезет в голову.

Кирилл зажужжал динамкой. Пятно света запрыгало по изломанным стенам пещеры.

«Что он ищет все время? – подумала Катя. – Бродит по пещере как лунатик. Как будто в пещерах бывают потайные двери...»

– Игорь, – позвала она. – Ты спишь?

Молчание. Катя протянула руку и наткнулась на ботинок Игоря. Толкнула его.

– Перестань спать. Слышишь? Нельзя все время спать.

– Я не сплю.

– Почему же не отвечаешь?

– Ну вот – отвечаю. Что?

– Какой-то голос у тебя стал... неприятный... Сядь. Прошу тебя.

– Ну, сел.

Катя придвинулась, обхватила его голову, вгляделась в провалы глаз на слабо белеющем в свете фонарика лице.

– Не хочу, чтоб ты молчал... Слышишь?.. – Ее пальцы гладили его щеки, ласково коснулись губ. – Мне ничего не страшно, слышишь? Только не молчи... Мне не страшно, потому что мы вместе...

– Мы замурованы, – хрипло сказал он. – Понимаешь ты это? Замурованы!

– Игорь, умоляю тебя!.. Нас найдут... Кто-нибудь пойдет ущельем и наткнется на записку. Кирилл же говорит, тут недалеко поселок...

– Кирилл говорит! Он тебе наговорит!.. Отцу всю жизнь испортил, а теперь... И-ди-от... – простонал Игорь сквозь стиснутые зубы. – Надо же быть таким идиотом, поддаться его уговорам... потащиться в эти проклятые горы...

Он замолчал. В мертвой тишине каменного мешка жужжала динамка, желтое пятно теперь не металось, оно медленно скользило по небольшому участку стены.

Текли ненужные, постылые часы. Спал Игорь, забылась тревожным сном Катя. Только Кирилл все бродил по пещере со своим фонариком. Хорошо, что никто не видел его лица.

Катя проснулась от стука. Она не сразу поняла, где она и что происходит. Испуганно воззрилась на свечу, догорающую на перевернутой консервной банке. Кирилл долбил ледорубом стену возле входного отверстия. Он был в майке, плечи его блестели от пота, нечесанные рыжие волосы торчали жесткими вихрами.

Кате показалось, что он сошел с ума.

– Что вы делаете, Кирилл? – спросила она.

Он сразу обернулся, провел ладонью по лбу.

– Идите-ка сюда. Видите? – Он ткнул ледорубом в слоистые беловатые обломки. – Это глинистый сланец. Когда-то наша пещера была открытой горизонтальной щелью, но потом ее забило... Сторону, которая обращена к обрыву, забило обрушенным пропластком сланца... Похоже; что щель тянулась дальше вдоль обрыва, но вот здесь ее перегородило обрушение.

– И вы хотите...

– Да. Хочу поковырять эту стенку. Посветите-ка фонариком, а то от свечи мало толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.